

Густав Майринк

Экспонат

Густав Майринк Экспонат

Александр Б.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157555

Содержание

Густав Майринк

4

Густав Майринк

Экспонат

Двое приятелей, сдвинув головы, сидели у углового окна в кафе Радецкого.

– Все в порядке. Сегодня, во второй половине дня, он уехал в Берлин – вместе со своим слугой. В доме – никого; я только что оттуда, проверил все сам.

– Значит, уловка с телеграммой удалась?!

– В этом я несколько не сомневался: имя Фабио Марини действует на перса как магнит.

– И тем не менее странно: ведь он прожил с ним вместе не один год – до самой смерти итальянца, ну что он может узнать еще нового в Берлине?

– Не скажи! Несомненно, профессор Марини еще многое держал от него в секрете; это он сам как-то случайно обронил в разговоре – года полтора назад, когда наш добрый Аксель был еще среди нас.

– Так, значит, во всех этих слухах о таинственном методе препарирования, разработанном Фабио Марини, действительно есть что-то реальное? Ты в самом деле в это веришь, Синклер?

– О какой «вере» может быть речь, когда я своими собственными глазами видел во Флоренции один из препариро-

ванных Марини детских трупиков. Любой бы присягнул, что ребенок просто спит: ни малейшего намека на окоченение, ни морщинок, ни складок – мало того, на его лице был здоровый розовый румянец.

– Гм. Ты думаешь, этот перс мог убить Аксея и...

– Этого я не знаю, Отакар, но все, что касается судьбы Аксея, мы должны выяснить до конца – это долг нашей совести. А если то был яд, если его отравили и он теперь спит каким-нибудь летаргическим сном?! Боже, как я тогда уговаривал врачей анатомического института, как умолял их сделать еще одну – только одну! – попытку реанимации!.. Ну что вы, собственно, хотите, звучало в ответ, этот человек мертв, никаких сомнений, и дальнейшее медицинское вмешательство невозможно без особого разрешения доктора Дараша-Кога. И они предъявили мне контракт, в котором черным по белому значилось, что тело Аксея после его смерти поступает в полное распоряжение подателя сего документа за что вышеупомянутому Аксею выплачивается сумма в 500 флоринов и прилагается расписка в получении.

– Нет, какая мерзость – и подобные сделки в наш век имеют силу закона! Стоит мне только подумать об этом – и меня охватывает неопишуемая ярость. Бедный Аксель! Если бы он знал, что этот контракт попадает в руки перса, его заклятого врага! Он всегда думал, что анатомический институт сам...

– И адвокат ничего не может сделать?

– Все напрасно. Не помогло даже свидетельство старой

молочницы, которая видела, как однажды утром Дараш-Ког в своем саду проклинал Аксея до тех пор, пока у него в пароксизме не выступила пена на губах... Конечно, если бы Дараш-Ког не был *medicinae doctor*, европейским светилом... Да что тут говорить – ты идешь или нет? Решай, Отакар!

– Конечно, я хочу пойти – но подумай, если нас застигнут как взломщиков! В научных кругах у перса безукоризненная репутация! Одна только ссылка на какие-то подозрения, видит Бог, вряд ли сможет послужить оправданием. Не обижайся, но ведь не исключено, что голос Аксея тебе просто послышался. Синклер, пожалуйста, не нервничай – расскажи лучше еще раз, как это все произошло. Может, ты был тогда слишком возбужден?

– Абсолютно! Я бродил по Градчанам, любовался капеллой Св. Вацлава и Собором Св. Вита. Эта фантастическая готика с ее скульптурами, словно отлитыми из запекшейся крови! Сколько бы я ни смотрел на нее, она не перестает волновать мою душу. А «Башня голода» и переулочек Алхимиков¹!

Потом, спускаясь по Старой замковой лестнице, я невольно остановился, так как маленькая дверь в стене, ведущая к дому Дараша-Коба, была открыта. И в то же мгновение я услышал совершенно отчетливо – из его окна, в этом нет никаких сомнений – голос; я могу чем Угодно поклясться: это был голос Аксея. Он кричал: «Раз – два – три – четыре!..»

¹ *Переулочек Алхимиков* – историческая Злата улочка на Градчанах.

О Боже, мне бы тогда сразу ворваться в дом! Но прежде чем я успел опомниться, слуга-турок захлопнул Дверь. Повторяю, мы должны осмотреть дом! Мы должны! А что, если Аксель действительно еще жив?! Уверяю тебя, с нами ничего не случится. Ну скажи, кто ходит по ночам по Старой замковой лестнице?! И потом, ты глазам своим не поверишь, как я ловко теперь справляюсь с защелками замков.

* * *

Обсуждая план, приятели до темноты проходили по улицам. Затем перелезли через стену и оказались перед старинным домом, принадлежавшим персу.

Одинокое строение – других на склоне Фюрстенбергского парка не было – подобно мертвому стражу жалось к боковой стене поросшей травой замковой лестницы.

– В этом парке и в этих вязах есть что-то жуткое, – прошептал Отакар Донал, – ты только посмотри, как зловеще вырисовывается хищный профиль Градчан на фоне неба. И эти освещенные бойницы Града! Поистине, странные ветры веют здесь, на Малой Стране²! Как будто все живое, страшась затаившейся смерти, ушло глубоко в землю. У тебя никогда не возникало чувства, что в один прекрасный день

² *Малая Страна* – второй пражский город, заложенный Пржемыслом Отакаром II (1253—1278) в 1257 г.

этот призрачный образ вдруг растворится как видение, *fata morgana*, что вся спящая, съжившаяся здесь жизнь пробудится каким-то апокалиптическим зверем для чего-то нового и ужасного?! Смотри, там, внизу, белые дорожки из гальки – как вены...

– Ладно, пойдем, – торопил Синклер, – у меня и так колени подгибаются; сюда – возьми у меня план дома...

Дверь легко открылась, и оба оказались на кирпичной лестнице; смотревшее в круглые окна темное звездное небо едва-едва освещало ступени.

– Не зажигай, свет могут заметить снизу – из садового домика. Слышишь, Отакар! Держись за меня...

– Осторожней, здесь сломана ступенька... Дверь в коридор открыта... сюда, сюда – левее.

Они стояли в какой-то комнате.

– Только не шуми так!

– Это не я: двери сами захлопываются.

– Придется включить свет. Боюсь что-нибудь опрокинуть, кругом столько стульев.

В это мгновение на стене сверкнула синяя искра и послышался чей-то вздох. Или это был не вздох? Тихий скрежет, как будто кто-то скрипел зубами, поникал, казалось, из-под пола, из всех щелей и стыков комнаты.

На секунду снова мертвая тишина. Потом, медленно и громко, хриплый голос начал считать: «Раз – два — три...»,.

Отакар Донал вскрикнул и, как безумный, стал чиркать

спичками, которые ломались, так как его руки ходили ходунном. Наконец – свет. Свет! Приятели смотрели друг другу в белые, как мел, лица: «Аксель!»

– ...че-е-етыре – пять – шеессть – се-е-емь...

– Зажгли свечу! Быстро, быстро!

– ...восемь – девять – де-е-есять – одиннадцать...

В стене было углубление, что-то вроде ниши, в его потолке торчал медный прут, на котором висела белокурая человеческая голова. Прут проникал в самую середину теменного бугра...

Шея была замотана шелковым платком, из-под него виднелись два красноватых легких с трахеями и бронхами. Внутри ритмично пульсировало сердце, обмотанное золотой проволокой проводов, тянувшихся по полу к небольшому электрическому аппарату. По туго наполненным артериям кровь из двух тонкошеих сосудов поступала вверх.

Отакар Донал укрепил свечу на маленьком подсвечнике и, чтобы не упасть, вцепился в руку своего друга.

Это была голова Аксея, с красными губами и здоровым, розовым румянцем на лице. Широко раскрытые глаза с каким-то жутким выражением неподвижно смотрели на увеличительное стекло, укрепленное на противоположной стене, которая была украшена туркменским и киргизским оружием и коврами. Причудливые узоры восточных орнаментов.

Множество препарированных змей и обезьян в странных, неестественных позах лежало в комнате вперемешку с кни-

гами.

На стоящем в стороне столике в стеклянной ванне, наполненной синеватой жидкостью, плавал человеческий желудок.

Гипсовый бюст Фабио Марини серьезно взирал с поста-мента.

Друзья утратили дар речи; как под гипнозом, они не могли отвести глаз от сердца этих кошмарных человеческих часов, которое билось, как живое,

– Ради Бога – прочь отсюда – я теряю сознани Будь про-клято это персидское чудовище!

Они повернулись к дверям. И тут снова жутки скрежет – это inferнальный экспонат скрипел зубами!

Потом сверкнули две синие искры и увеличительно стек-ло отразило их в мертвые зрачки.

Рот открылся – неуклюже высунулся язык – из гнулся за передние зубы – и захрипело: «Чет-ве-ррр-ть».

Рот закрылся, и лицо снова застыло, глядя прямо перед собой.

– Кошмар!! Мозг функционирует – живет!.. Прочь – прочь отсюда... на воздух! Свеча – захвати свечу, Синклер!

– Ну, открывай же, ради Бога, – почему ты не открыва-ешь?

– Не могу, там – там... смотри!

Вместо ручки в дверь была вделана человеческая кисть; белые пальцы трупа – на безымянном тускло блеснуло зна-

комое кольцо – вцепившись в пустоту, окоченели в последней судороге.

– Вот, вот возьми платок! Что ты боишься – ведь это рука нашего Аксея!

Они снова стояли у входа и оторопело смотрели на дверь, которая медленно и как-то задумчиво закрылась на защелку.

Укрепленная на ней черная стеклянная табличка гласила:

Доктор Мохаммед Дараш-Ког
анатом

Пламя свечи беспокойно металось: ветер гулял по кирпичной лестнице.

Покачнувшись, Отакар прислонился к стене и со стоном опустился на колени.

– Смотри! Там... – и он указал на то, что казалось шнуром колокольчика.

Синклер поднес свечу ближе и тут же с криком отпрянул назад; свеча упала и погасла...

Жестяной подсвечник с грохотом катился по ступенькам вниз.

Как безумные, с волосами, вставшими дыбом, мчались они, жадно хватая воздух, по ночной Старой замковой лестнице.

– Персидский сатана... Персидский сатана!